DOI: 10.17117/na.2016.02.04.259

<http://ucom.ru/doc/na.2016.02.04.259.pdf>

Поступила (Received): 24.02.2016

Куликова И.М. Смысловая наполненность архетипа «река» в творчестве В. Распутина

Kulikova I.M.
Semantic of the archetype of "the river"
in the works of V. Rasputin

В статье анализируется смысловая структура архетипа «река», выявлены оттенки его значения в художественном мире В.Г. Распутина (дихотомия «жизнь–смерть», река как жизнь, как водный путь в мир иной, как пристанище душ умерших и другие). Автор подчеркивает совмещение разнокультурных концептов в наполнении данного архетипа – общеславянских, сибирских, христианских

Ключевые слова: архетип, река, мифопоэтическая символика

The article analyzes the semantic structure of the archetype of "river", revealed nuances of its meaning in the art world V.G Rasputin (the dichotomy of "life–death", as the river of life as a waterway in the world other than the abode of souls and others). The author of the article emphasizes the combination of Multicultural concepts in filling this archetype – Common Slavonic, Siberian, Christian

Key words: archetype, a river, myth, poetic, symbols

Куликова Ирина Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент
Сургутский государственный университет
г. Сургут, Ленина, 1

Kulikova Irina Mikhaylovna

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor
Surgut state university
Surgut, Lenin st., 1

Архетип реки – один из древнейших и наиболее распространенных символов коллективного бессознательного начала. Диахроническая устойчивость символа, его ритуальное и космогоническое значение подтверждаются использованием архетипа в мифотворческой, фольклорной и профессиональной практике многих народов.

Своеобразие художественного мира В. Распутина обусловлено в первую очередь опорой на архетипические установки национальной культуры. Изучение творчества писателя с позиции «дешифровки» праобразов, определения смысловой наполненности образов-символов в целом и архетипа реки в частности, с нашей точки зрения, в современных исследованиях не выявлено в полной мере. Сопоставление «смыслов» чаще осуществляется на линии «христианское – языческое». При этом не учитываются мифологические системы народов Сибири, которые, безусловно, оказали влияние на смысловую структуру концеп-

тов в творчестве писателя. В данной статье предпринята попытка дать свое видение вопроса, связанного с выявлением смыслов, заключенных в образе-символе реки в произведениях В. Распутина.

По мнению К.-Г. Юнга, вода является наиболее частым символом бессознательного начала. В языческой картине мира вода/река, как правило, воплощает дихотомические представления о жизни и смерти. В этом плане смысловая наполненность образа реки у В. Распутина во многом связана с представлениями сибирских народов о горизонтальной модели мира, которая имела, пожалуй, большее значение, чем вертикальное построение. Не напрасно автор отмечает в одном из своих героев «далекое, но непобедимое из рода в род тунгусское происхождение» [1, с.623]. Мифы о горизонтальном устройстве представляли мир в виде мировой реки, в верховьях которой (у истоков) находился Верхний мир. Среднее течение представлялось как область проживания людей, как жизненное пространство. Низовья реки воспринимались как Нижний мир – место-пребывание умерших («море мёртвых»). В соответствии с этой моделью коренные жители в верхнем течении устраивали священные места, а в нижнем течении располагали кладбища. В. Распутин широко использует распространенную символику понятия «река жизни». Земное существование сибирских деревень у него немыслимо без реки. Для его героев Ангара, ее ерики, рукава, протоки («своя Ангара» или просто «река») – это и есть жизнь: «Виктор вырос на этой реке, каждый божий день пропадал на ней, и большая часть его детских и уже не детских радостей была связана с ней» [1, с. 590]. Река мыслится зачастую явлением более важным и значимым, чем тайга. Лес связывается с не движущимся пространством, с устойчивостью. Река же фиксировала текучесть жизни, ее изменчивость, «детство и старость», «радость и горе». Видимо, потому воспоминания, связанные с рекой, жили в герое очерка «Вверх и вниз по течению» «теплой душевной печалью». Перемещение героя «вверх по течению» – это воспоминания о начале его жизни, детстве и молодости, а «вниз по течению» (поездка к родителям-старикам) – движение «в извечную человеческую сторону», к концу земного пути.

Дихотомия «жизнь–смерть» подчеркнута и в картинах своеобразной игры живых людей со смертью. Герой очерка Виктор испытывает удовольствие, когда заглядывает «в жуткую заманчивую глубину» реки, «в сильный вал», и желание «грести от берега, все дальше и дальше, взлетая и проваливаясь в волнах, а затем, удачно вернувшись, считать себя победителем...» [1, с. 594]. Но ближе к концу жизни он бежит из родительской деревни, смутно осознавая свой жизненный предел и вместе с тем предчувствуя скорое возвращение сюда – уже другим человеком, «хорошо и ясно представляющим, куда он едет и что он там найдет» [1, с. 643]. Элемент игры присутствует в самом его путешествии «вниз по течению» и возвращении назад к исходной точке. Играет со смертью Настена, постоянно пересекая пространство из одного мира, мира людей, в «другой», «тот мир», переправляясь к мужу на другой берег. «Играет» Андрей, встречаясь с ней. Однако эта игра имеет свои границы. Погибает Настена. Андрей Гуськов, скрывающийся от людей за рекой, живет, словно в потустороннем мире («живой мертвец», «оборотень», как подмечают исследователи). Соотнесение реки и

воды с источниками смерти, гибели сформировало понятие о «потустороннем мире» как о феномене, «относящемся к воде» или «находящемся за водой/рекой» [3, с. 76-77]. В «Живи и помни» есть символический эпизод: Настена незадолго до смерти попадает на кладбище, которое напрямую связывается у писателя с тьмой, силами мрака и рекой: «Ночью на воде неживой дух – дух размытого старого кладбища...и...в глубине...что-то зловеще-верное...» [2, с. 301]. Герой очерка «Вверх и вниз...», оказавшийся в непогоду на искусственном море, испытывает смутное предчувствие беды, не видя границы между водой и берегом. В «Прощании...» старухи, оказавшиеся в тумане на реке, ощущают себя уже как бы в потустороннем мире, на дне реки: в курятнике Богодула было «слепо и исподно: в окне стоял мгlistый и сырой, как под водой, непроглядный свет» [2, с. 190]. И разговор их звучит, как «несуразные слова». Переселившихся на новое место жителей Матеры называют «утопленниками». Старуха Агафья после затопления своей деревни ощущает себя «русалочкой утопленной» («Изба»). Остров здесь играет роль «границы», предела, за которым движение продолжается, но уже в потустороннем мире.

Довольно активно обыгрывается в творчестве писателя, связанный с мифопоэтической универсалией о водном пути как дороги в иной мир. В «густом и плотном» тумане заблудился на реке катер, искавший старух («Прощание...»). На пароходе плывет герой очерка «Вверх и вниз по течению», чтобы понять, сколько времени осталось ему до старости и дальше, к человеческому пределу. Согласно древним представлениям, души умерших переправлялись в загробный мир на лодке по течению реки, впадающей в «Дверь земли», за которой и находилось обиталище умерших [3, с. 77, 100]. Настена на лодке переплывает к мужу, на лодке плывет она к месту своего ухода из мира живых в мир иной («Живи и помни»). На лодке Павел («Прощание с Матерой») мечтает добраться до места, где была «похоронена» (затоплена) Матера, чтобы еще раз «помянуть ее, христовенькую» (отсылка к христианским представлениям и ритуалам). В работах исследователей творчества писателя неоднократно отмечалось, что функции «мировой реки» как рубежа между живым и мертвым [4, с. 100] у Распутина выполняет Ангара. Так, она отделяет мир живой (деревня Атамановка) от мира «отверженного» Андрея Гуськова в повести «Живи и помни». Но у писателя появляется и новый аспект понимания этой универсалии. Река делит пространство живущих на две части – землю, пригодную для жизни, издревле выбранную для хорошей жизни, и территорию, малоприспособленную для проживания («Пожар»): «Неуютный и неопрятный, и не городского и не деревенского...типа...поселок», «не пуская глубоко корни», «все как временное пристанище» [2, с. 199]. Живой, богатый, красочный мир словно приближается к своему концу, теряя жизненные краски в «Прощании с Матерой»: «Ровными, правильными рядами стояли одинаковые, за одинаковыми же невысокими, но глухими заборами дома» [2, с. 176]. Смысловые значения, связанные с образом воды как стихии смерти, пересекаются у Распутина с понятиями «огонь» и «жизнь», что фиксируется в мифологических картинах мира у многих народов [3, с. 77]. Это не только «непроглядный свет», «как под водой», в «Прощании...». Настена, заглянув в воду перед самоубийством, увидит, как «далеко-далеко изнутри шло

мерцание», в котором «струилось и трепыхало небо» [1, с. 309], как в глубине мелькнет огонек спички – «знак» ее души, символ ее короткой, как огонь спички, жизни. Сожжена была Матера, обреченная на вечное погребение на дне водохранилища. В «Пожаре» писатель дает откровенно аллегорическую картину: горит в пламени стоящий на берегу Ангары «бивуачного типа поселок» – своеобразный символ «омертвевшей» жизни. И здесь, как уже зафиксировано в исследовательской литературе, возникают ассоциации с библейской символикой – не только с мифом о всемирном потопе, но и с представлениями о «геенне огненной», пламени ада, в огне которого сгорает все бездуховное. Но «намек» на возможность возрождения на выжженном месте новой жизни, звучащие в конце повести, снова возвращают к языческой мифологии некоторых коренных народов Сибири. Согласно им, огненный потоп уже был на земле, но он ожидается и в будущем. Тем самым В. Распутин связывает универсалии «вода» и «огонь», соотнося всемирный потоп не только с водным потоком, но и с огненной стихией.

Итак, можно утверждать, что наполнение образа реки у В. Распутина происходит на основе слияния общеславянской мифологической системы и языческих представлений народов Сибири. В целом языческая древность в трактовке образа реки не преодолевается христианской картиной мира, хотя библейская символика создает дополнительные оттенки смыслов. Архетип реки наполнен разными значениями: река как жизнь – от рождения до смерти, река как граница между живым и мертвым, река как водный путь в мир иной, река как обиталище душ умерших людей, река как дихотомия «жизнь–смерть». Реконструкция первоначальных смыслов архетипа и их конкретное воплощение в образе, «наслаивание» разнокультурных смыслов, оттенков, акцентов позволяет еще раз проявить оригинальность почерка В. Распутина.

Список используемых источников:

1. Распутин В.Г. Собрание сочинений в 2-х томах. Т. 1. Калининград: Янтарный сказ, 2001. 672 с.
2. Распутин В.Г. Собрание сочинений в 2-х томах. Т. 2. Калининград: Янтарный сказ, 2001. 640 с.
3. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.
4. Барышева О.А. Христианские и народнопоэтические мотивы в художественном мире прозы В. Распутина: автореф. дисс...канд. филол. наук. Кострома: Авантитул, 2010. 24 с.

© 2016, Куликова И.М.

Смысловая наполненность архетипа «река» в творчестве В. Распутина

© 2016, Kulikova I.M.

Semantic of the archetype of "the river" in the works of V. Rasputin